

О деятельности Панчен-ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии

© 2014

С. Кузьмин

Обсуждаются малоизвестные данные о деятельности Панчен-ламы IX (1883–1937) после его бегства из Тибета, в частности, его контакты с Внутренней Монголией, МНР, Маньчжурией, Японией и правительством Китая (преимущественно на материале архивов России и Монголии).

Ключевые слова: Панчен-лама, бегство из Тибета, Внутренняя Монголия.

В 1924 г. Панчен-лама IX Тубтен Чокьи Нима (1883–1937) бежал из Тибета. Причиной были высокие налоги, введенные правительством Далай-ламы XIII¹. В своих письмах к Далай-ламе после своего отъезда Панчен выражал претензии не к нему лично, а к его чиновникам. Он указывал, что уезжает на короткое время и будет собирать подношения среди буддистов Кама и Монголии². С тех пор обращает на себя внимание его деятельность среди монголов, в том числе в связи с тем, что его считают причастным к организации восстаний в МНР в 1930-х годах.³ Участники этих восстаний декларировали, что он их поддерживает, что он связан с Японией, скоро придет с армией и освободит страну от власти МНРП. Однако в пользу этого не опубликовано никаких материалов, кроме лозунгов и заявлений повстанцев.

Поэтому особый интерес представляют данные до сих пор не изученных донесений о деятельности Панчен-ламы в этот период в сопоставлении с фрагментарными сведениями, которые можно почерпнуть из публикаций того времени.

Больше всего сохранилось сообщений, касающихся слухов о прибытии Панчен-ламы (монг. Банчин Богд, Панчен-Богдо) в ту или иную местность, трактовавшихся в зависимости от текущего момента. Такие слухи стали появляться задолго до бегства Панчен-ламы IX из Тибета. Истоки этого могли быть в представлениях о священной Шамбалинской войне против врагов буддизма, довольно широко распространенных в Тибете и Монголии начала XX века. Согласно им, Панчен-Богдо родился будущим 25-м царем Шамбалы Рэгдэндагвой, а монгольский первоиерарх Богдо-гэгэн — полководцем Шамбалы Ханумандой⁴. «Учение о Шамбалинской войне очень сильно привилось в Монголии и в связи с верой в Панчена является самым сильным агитационным средством для мобилизации воинственных настроений в массах. Очень сильным покровителем Калачакры был последний ургинский Богдо-гэгэн»⁵ — последний великий хан Монголии.

Еще при постройке дацана в Петербурге (1909–1915 гг.) среди лам были слухи: он строится с тем расчетом, что туда когда-нибудь придет Панчен-Богдо, который возьмет 5 стран под свое покровительство⁶. Уход Панчена из Тибета в 1924 г. мог рассматриваться как подтверждение таких предсказаний.

Весной 1924 г. Панчен добрался до монастыря Гумбум в Амдо, где прожил до осени. К нему из Урги был послан делегат, чтобы уговорить избрать местопребыванием Ургу. «Насколько известно, эта миссия была выполнена вполне успешно, но китайское правительство, узнав об этом, заставило Баньчена немедленно выехать в Пекин, угрожая в противном случае прибегнуть к силе». Зимой 1925 г. он находился на священной горе Утай-Шань в провинции Шаньси. Оттуда он должен был прибыть в Пекин в марте — апреле 1925 г.⁷

Слухи о возможности приезда Панчена в Ургу появились еще до того, как он остановился в Китае. Обсуждалась возможная польза от такого приезда для красных⁸. В октябре 1924 г. представитель Далай-ламы в СССР — А. Доржиев ездил в Пекин из Урги под видом закупки лекарств для монгольского населения, а на самом деле — чтобы «побудить Банчен-Богдо поехать в Ургу и не допустить его поездки в Пекин, которая, по мнению тибетцев, грозит посылкой карательной экспедиции против Далай-ламы в Тибет. В Пекине Доржиев был в постоянных отношениях с Далай-ламскими представителями перед китайским правительством — 4 хамбо-ламами, проживающими в тибетском подворье в монастыре Юнхэгуи и с негласным представителем того же Далай-ламы — Джимби Догмидом. Увидав всю бесплодность своих попыток, Доржиев выехал обратно в Ургу, а оттуда должен был отправиться в Забайкалье»⁹.

В начале декабря 1924 г. в Китай выехал министр народного просвещения МНР О. Жамьян-гун, чтобы приобрести 120-томный канон «Данджур». Он имел и конспиративное поручение: попытаться пригласить Панчена в Ургу. Но, согласно английским и китайским газетам, китайское Бюро по делам Монголии и Тибета обещало приложить все усилия, чтобы Панчен уехал в Пекин. Монгольское правительство исходило из того, что приезд Панчена в Ургу улучшит образ жизни лам, ослабит авторитет реакционного ламства, укрепит позиции народного правительства и повысит его престиж среди буддистов. Может быть, удастся его «обработать» в антиимпериалистическом и антианглийском направлениях и сделать авторитетным сторонником сближения Тибета с СССР. Однако зам. советского полпреда Юдин считал, что этот приезд даст отрицательный результат, так как укрепит позиции духовенства¹⁰.

Примерно в 1924 г. состоялось совещание Панчена с Дуань Цижуюем. Они говорили о том, что необходимо в ближайшее время послать войска во Внешнюю Монголию (т.е. МНР) — иначе трудно решить монгольский вопрос¹¹.

Уполномоченный 1-го отдела ОГПУ Амагаев докладывал, что лично Панчен намеревался из Тибета уехать в Монголию, но его приближенный Лунсан устроил так, что Панчен поехал в Пекин. «Приехав в Пекин раньше Панчен-Богдо, Лунсан успел вручить пекинскому правительству грамоту с печатью Панчен-Богдо о том, что половина населения Тибета добровольно признала себя подданными Китайской республики». После этого Панчена встретили там весьма торжественно¹².

В феврале 1925 г. Панчен-Богдо прибыл в Пекин и разместился в бывшем императорском дворце Чжуннаньхай. Дуань Цижуй — теперь китайский президент — принимал Панчена с почетом, присвоил ему ряд титулов и т.д. 11 марта 1925 г., узнав о выводе советских войск из МНР, Панчен-Богдо сказал Дуань Цижую, что Внешняя Монголия — территория Китая, теперь наступило подходящее время овладеть ею, и надо об этом вести переговоры¹³.

Согласно донесению в ОГПУ из Пекина 18 сентября 1925 г., Панчен, бежав из Тибета, «собирался направиться во Внешнюю Монголию, а затем во Внутреннюю Монголию по приглашению монгольских князей. Этой поездке препятствовал Чжан Цзолинь. Фэн (Юйсян. — *Ред.*) предполагал предложить ему выехать в Долоннор и приставить к нему охрану в виде монгольского кавалерийского отряда, который должен будет следить за самим ламой, дабы он не связался с Чжан Цзолинем. Поводом для переезда в Долоннор может быть наличие там двух знаменитых кумирен, а затем как ближайший пункт к

населению Внутренней Монголии»¹⁴. Таким образом, Панчена пытались использовать китайские милитаристы Чжан Цзолинь и Фэн Юйсян, находившиеся в конфликте друг с другом.

Вокруг резиденции Панчена в Пекине была китайская охрана, ему шла широкая материальная поддержка; в день туда приходило 200–300 паломников. Хубилган из Монголии — Ламала «подтвердил, что Панчен-лама еще недавно определенно высказывался о скором наступлении времени обновления Будды (время Шамбалы). Сейчас Ламала живет в подворье Ташилхунпо в Урге»¹⁵.

В апреле-мае 1925 г. А. Доржиев командировал к Панчену в Пекин доромбу Ацагатского дацана Чойнжура Аюшиева с письмом и подарками. Содержание письма неизвестно; предположительно в нем содержалось приглашение прибыть в Улан-Батор. Ведь такое приглашение монгольское правительство посылало Панчену через Доржиева, еще когда он ездил в Пекин в 1924 г.¹⁶

В 1925 г. делегаты МНР, посланные на переговоры с китайцами, встретились в Пекине с Панчен-Богдо. Представитель Коминтерна Т. Рыскулов, вначале тоже собиравшийся пойти «на поклон», потом «счел это неудобным перед довольно искренно религиозными моими монголами». А. Амар, Цэцэн-хан и другие делегаты говорили Панчену о желании населения Монголии, чтобы он приехал, об отрицательном отношении к китайцам. Делегация привезла в ЦК МНРП письмо Панчена, где он писал о давнем желании побывать в Монголии. Хатан-Батор Максаржав и некоторые другие верующие из руководства высказались «за», Джадамба, Хаянхярва, Дамбадорж и другие из «молодого крыла» — «против». Вопрос остался открытым. Все переговоры проходили под контролем советских представителей¹⁷.

Гражданам МНР в то время иногда разрешалось ездить на поклон к Панчену. Согласно донесениям некоего И. Г. Салтыкова в ОГПУ, инструктор снабжения МНРА Шпильман с шоферами-монголами военного гаража был в Калгане. Он хотел возвратиться, но шоферы требовали поездки в Пекин на поклон к Панчен-Богдо. Они послали телеграмму в военное министерство, и поездку им разрешили¹⁸.

В сентябре 1925 г. Фэн Юйсян для установления контактов с Панчену попытался использовать ордосского гэгэна Ванданниму — одного из основателей народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ). «Фэн имеет в виду использовать его для посылки в пров. Шаньси и Утай-Шань на предмет привлечения ламы Банчэнь Эрдэни в Долоннор на постоянное жительство». Ванданнима прибыл из Пекина в Калган и должен был задержаться там для встречи с Фэном¹⁹. Однако Фэн не смог реализовать этот план. Панчен наладил контакты с Чжан Цзолинем и уехал в его столицу Мукден.

Причина отъезда из Пекина была следующая. Китайское Бюро по монголо-тибетским делам отпустило на Панчен-Богдо недостаточно средств. Поэтому в один из приездов Чжан Цзолиня в Пекин Панчен обратился к нему с жалобой на бюро. Чжан сделал выговор его главе Гун-вану (князю Гунсэннорову. — *Ред.*). Отношения Панчена с бюро обострились. Тогда Панчен обратился за помощью в Мукден. Его приезду туда китайские чиновные круги придавали большое значение²⁰.

Чжан Цзолинь предоставил императорский монастырь Хуансы в Мукдене под резиденцию Панчена²¹. Для него была создана монгольская типография²². В Мукдене полиции был отдан строгий приказ об охране Панчена, о наблюдении за приезжающими монголами и недопущении красной пропаганды. По агентурным сведениям, он хотел созвать широкое совещание монголов, чтобы обсудить, на кого должна ориентироваться Монголия. Приток паломников в день был 300–500 человек, в основном из Внутренней Монголии, но многие приезжали и из МНР²³.

В 1926 г. Панчен-Богдо в Мукдене участвовал в работе организованной Чжан Цзолинем конференции по борьбе с коммунизмом в МНР²⁴. До марта 1931 г. Панчен путешествовал по Внутренней Монголии, причем его базой оставался мукденский мона-

стырь Хуансы²⁵. Кроме того, он стал отправлять эмиссаров за поддержкой в Японию и собирался обратиться к президенту Китая Дуань Цижую²⁶.

Что касается контактов Панчена с японцами, в исследовательской литературе нет ясности по поводу того, ездил ли он в Нагасаки²⁷. На этот счет есть сведения в донесениях ОГПУ. Летом 1926 г. японское правительство послало Панчену приглашение на паназиатский конгресс в Японии, но оно было отклонено. В Пекине планировался Буддийский собор, но Панчен не собирался участвовать и в его работе. В монастырях Улан-Батора и тибетском полпредстве в МНР к этому собору отношение было резко отрицательное. В донесении за сентябрь 1927 г. также отмечалось, что Панчен-Богдо отказался от участия в паназиатской конференции в Японии и в совещании князей Внутренней Монголии, оттягивал поездку во Внутреннюю Монголию. Из этого сделали вывод, что «от активного участия в политической работе он пока воздерживается, т.к. выжидает выяснения обстоятельств как в Китае, так и в Тибете (переписка с Далай-ламой о своем возвращении в Тибет)». При Панчен-Богдо состоял английский офицер, который преподавал ему английский язык и военные познания (при этой информации стоит резолюция: «Требуется подтверждения»)²⁸.

В 1926 г. Панчен участвовал в конференции по борьбе с большевизмом в Монголии, созданной Чжан Цзолинем²⁹. Газета Morning Post 31 января 1921 г. сообщала: на конференции в Мукдене Панчен собирает тысячные толпы буддистов, «осуждает советский строй как антирелигиозный, а потому враждебный буддизму». Журнал China Weekly Review 11 апреля 1927 г. поместил большую статью «Великобритания, Россия и Панчен-лама». В ней, в частности, сообщалось, что антагонизм Панчена к Советам возрастает. В Пекине стало известно его изречение о том, что «большевизм является злом и представляет собой угрозу всему миру». За последние 6 месяцев его резиденцию в Мукдене посетили тысячи людей. «И всем им было преподано наставление о том, что большевизм является врагом всякого религиозного учения, в силу этого является и врагом буддизма, а потому истинный буддист должен делать все, что в его силах, для того, чтобы воспрепятствовать распространению советских доктрин»³⁰.

Согласно «Докладной записке о деятельности Панчен-Богдо» в ОГПУ, в Мукдене он агитирует против Советов, «осуждает советский строй, как антирелигиозный, враждебный буддизму и т.д.» В МНР распространялись слухи, что «осенью 1926 г. прибудет Панчен-Богдо с 80000 солдат и 88 богатырями, уничтожит народное правительство». Эта агитация — одна из причин активных выступлений ламства в ряде районов МНР против народного правительства. «Необходимо также дать по линии соответствующих органов указание в Ургу, чтобы монгольский Духовный Совет вынес свой протест на случай выступления Панчен-Богдо, выявив в нем свое отношение к мероприятиям Соввласти и народно-революционной Партии в отношении религии»³¹.

Из Мукдена Панчен ездил по монгольским монастырям и давал тантрические посвящения, привлекавшие тысячи монголов. С конца 1926 по начало 1929 г. он фактически жил среди буддистов Внутренней Монголии³². К нему ходили многие верующие из МНР, чтобы получать его лундэны и учения³³. Судя по переводу одного из них, речь шла не о политике, а о том, что надо жить, не совершая грехов³⁴.

Приезжали к нему и из других стран. В 1927 г. бурятский лама Цыбиков ездил в Мукден на поклон. Панчена окружали 300 человек — «почетный караул», его свита из тибетцев и монголов. Сохранился список четырех бурятских лам, ездивших на поклон к Панчен-ламе и в 1929 г. живших в МНР. Еще до его приезда в Мукден, в 1925 г., на поклон приезжали 4 калмыка³⁵.

В первые годы после бегства из Тибета Панчен занимался почти исключительно религиозной деятельностью, на политические мероприятия обычно посылал своих представителей. Были открыты его канцелярии, которые использовались в основном для кон-

тактов с китайскими властями. Эти канцелярии находились в Пекине, Тайюаньфу, Нанкине, Мукдене, Синине, Чэнду, Дацзянлу (Дарцедо) и Калькутте³⁶.

Панчен-Богдо налаживал контакты с торгутами в Синьцзяне. Из Хоргоса 16 ноября 1927 г. сообщали, что к торгутским князьям из Пекина прибыли его представители. От них будто бы стало известно, что он едет в Кашгар, куда для встречи приглашаются князья. Были ложные слухи о приезде посланца Панчена в Калмыкию; среди монголов — о том, что Панчен думает восстановить маньчжурскую династию. Но в Синьцзян через Монголию делегация Панчена действительно поехала (телеграмма от 9 сентября 1927 г. из Урумчи). Она собиралась побывать в Карашаре для свидания с местным гэгэном. 20 марта 1928 г. из Кульджи сообщалось о прибытии делегации из 12 человек от Панчен-ламы в Урумчи. Там она разделилась на 2 группы, направившиеся в Тарбагатай и Карашар. Их целью было выяснить отношение торгутов к Панчену. Опять пошли слухи, что он сам должен прибыть в Синьцзян, в июне или в июле³⁷.

12 декабря 1927 г. Мукденское управление маршала получило доклад от Панчен-Богдо о том, что он полагает выехать в Пекин для личного доклада Чжан Цзолиню (тогда президенту Китая. — *Авт.*) о результатах совещаний с монгольскими представителями. На этих совещаниях Панчен «проводил политику склонения монголов в пользу Чжан Цзолиня». Он указал на необходимость поддерживать искренние отношения с пекинским правительством, по указу которого должны проводиться строительство и реформы во Внутренней Монголии; и чтобы предотвратить проникновение советских агентов через Внешнюю Монголию, он хочет просить Чжан Цзолиня послать солдат во Внутреннюю Монголию на случай интервенции Красной армии через Внешнюю Монголию³⁸.

4 июня 1928 г. японцы убили Чжан Цзолиня. Ему наследовал сын — Чжан Сюэлян. Он поднес Панчен-Богдо 20 000 долл. и дал ему поручение агитировать за объединение монгольских племен. По сведениям из Улан-Батора за август 1928 г., Панчен собирался ехать на Силингольский сейм с санкции китайского руководства. Ламы улан-баторских монастырей Гандан и Хурэ усиленно обсуждали его прибытие к границам Халхи³⁹.

Примерно в это время Панчен отправил посланцев к алтай-урянкам. По письму к князю урянхайского хошуна Сысору, их целью был сбор подношений. По донесению ИНО ОГПУ от 2 октября 1928 г., недавно в Монголию приехала делегация из 4 тибетцев, посланных Панченем для сбора пожертвований в Алтай-Урянхайский хошун. Делегация была задержана в районе г. Кобдо. Видимо, она провела там несколько месяцев, пока шла переписка. Алтай-Урянхайский сайд послал монгольским властям ультимативную ноту протеста, требуя пропуска делегации. В ноте была ссылка на Нанкинское (гоминьдановское) правительство. В ней говорилось: «от исполняющего дела Гоминьдановского государства Алтай-бэйсэ Тай-Бина на имя Восточного Алтай-ханульского хошунного управления». Командование охранных войск наложило резолюцию: «желательно прибывших немедленно отправить обратно»⁴⁰.

2 декабря 1928 г. Панчен со свитой в 200 человек и 10 телохранителями прибыл в монастырь Пандита-гэгэна в Силинголе (Внутренняя Монголия). В монастырях соседней Дариганги в МНР распространялись слухи о его предстоящем приезде. В связи с этим в среде лам было большое оживление. Они рассчитывали с помощью Панчена восстановить власть Богдо-гэгэна. По донесению от 20 февраля 1929 г., Панчен разъезжал по Силинголу без охраны. «Все хутухты и хубилганы из МНР уезжают побывать у него, за исключением Егузэр-хутухты»⁴¹.

Эти сведения встревожили руководство МНР. По протоколу заседания президиума правительства от 19 декабря 1928 г., на нем был заслушан доклад ГВО МНР. Постановили: «учитывая неустойчивое положение за пределами МНР, особенно в Китае, воспрепятствовать в настоящее время поездку граждан на поклонение Панчен-ламе». По данным на май 1929 г., население Восточной Монголии было недовольно этим запретом⁴².

Из Силингола Панчен ездил в Баргу (Хулунбуир). Еще 6 июля 1927 г. в Калган приезжал его личный секретарь, нанял шофера Витте (работавшего на своем автомобиле на тракте Урга — Калган). Они ездили в Долоннор для подготовки визита. По донесению Витте 21 марта 1928 г., Панчен «прошлым летом ездил в Долоннор, но никаких данных у нас нет». По крайней мере, осенью 1929 г. он был в сомонах Хулунбуира. По непроверенным сведениям от 16 июня 1929 г., он хотел, будучи во Внутренней Монголии, организовать поход на МНР, но не нашел поддержки в Барге⁴³.

В 1928 г. гоминьдановское правительство вело переговоры с представителями Панчена⁴⁴. Судя по переписке с главой Гоминьдана Чан Кайши, Панчен старался узнать, какую помощь может получить до того, как даст какие-либо обещания⁴⁵.

Осенью 1929 г. в МНР ходили слухи, что от Панчена было письмо, может быть, к монгольскому правительству, о том, что его надо пригласить в МНР, иначе он сам придет из Китая с солдатами, чтобы овладеть Халхой. По другим слухам, он вскоре должен прибыть или уже наступает. Но его донир Лобсан Чойндон говорил: вряд ли можно ждать прихода Панчена-Богдо; этот вопрос мог бы решиться только после урегулирования отношений России с Китаем. Говорили также, что Панчен собрался в путь, что он едет в монастырь Лабранг в Амдо. По данным на 3 января 1929 г., тибетский донир в Улан-Баторе считал, что Панчен в Китае — как пленник, он хочет выехать во Внешнюю Монголию, чтобы оттуда отправиться в Тибет. Поэтому донир хотел поехать к нему вместе с представителем монгольского правительства⁴⁶.

Восточный отдел ОГПУ указывал 18 июня 1929 г.: «Информация о Панчен-Богдо-гэгэне идет по всем линиям и отличается крайней разноречивостью». С одной стороны — он собирается в Тибет, с другой — стремится организовать феодально-ламские силы против СССР и МНР⁴⁷.

По донесению в ОГПУ 20 июля 1929 г., в эскадронах МНР в Дариганге, Егузэре и Тамсаге были случаи бегства солдат к Панчену. В августе 1929 г. он переехал в один из монастырей хошуна Барун-Сунуд Внутренней Монголии. В сентябре 1929 г. он был в хошунах Дзун-Сунуд и Барун-Сунуд, останавливаясь в разных монастырях. Дальнейшие планы Панчена видны из документа «Выписка из сводки ИНО ОГПУ от 5 XI. 29 г. № 53893»: «По проверенным данным, Панчен-Богдо собирается выехать в Пекин, а оттуда в Тибет. Верно /подпись/ 13.XI.29 г.»⁴⁸

Тем не менее, после расстрела халхасского Зая-пандита-хутухты, который хотел пригласить Панчена, и «заговора Эрэгдэндагвы», который собирался передать письмо к нему с просьбой о помощи, красные заявляли, что против революции верхи «ламства готовы искать помощи даже у злейших врагов МНР — китайских милитаристов, и что через Панчен-Богдо который, изменив родному Тибету, продал себя китайским милитаристам, эти верхи ламства готовят в МНР китайскую интервенцию» (май 1930 г.)⁴⁹

В мае — июне 1930 г. в Нанкине прошла конференция Гоминьдана по монгольским делам. В резолюциях ограничивались права лам, Внешняя Монголия и Тибет объявлялись частями Китайской Республики⁵⁰. В 1931 г. Панчен-Богдо был назначен членом Нанкинского правительства, получил субсидию в 0,5 млн долл. на свои расходы и приехал в Хайлар. Там он вел большую работу при помощи японского консула. Из приграничных с Китаем районов к нему шло нечто вроде петиций с просьбами об избавлении⁵¹.

После похищения чекистами и вывоза из Маньчжурии в СССР Мерсэ — одного из основателей НРПВМ, его допрашивали в ГПУ. На одном из допросов Мерсэ говорил, что Панчен-Богдо был во Внутренней Монголии в 1930 г. Там его охраняли солдаты местного князя Ундур-вана. Летом 1931 г. Панчен ездил в Хайлар, оттуда — в Ганджур-сумэ (Барга), осенью в Узмчин. Туда приезжали посланцы для его приглашения. На другом допросе Мерсэ говорил, что Панчен-Богдо был приглашен баргинским ямынем в Хайлар, чтобы ему могли поклониться баргуты. В Барге он прожил почти 2 месяца, затем вернулся в Силингол, собирался в Уланцаб. Общаясь с приближенными Панчена,

Мерсэ убедился «в совершенном отсутствии у них каких-либо политических познаний. А кроме того, они очень желали поскорее возвратиться в Кукунор и северный Тибет, в отношении же Внутренней Монголии не имели никаких намерений». С самим Панченон он не говорил о Внутренней Монголии. Но в 1931 г. ходили слухи, что в Силинголе для Панчен-ламы строят храм Паньчань, — тогда это место сделалось бы центральным пунктом во Внутренней Монголии⁵².

По данным на 21 января 1931 г., 4 японца выехали со свитой Панчена во Внутреннюю Монголию. По данным на 4 февраля 1931 г., представитель англичан при его ставке прислал 2000 фунтов стерлингов и выразил желание примирить Панчен-ламу с Далай-ламой⁵³.

Разведсводка главного штаба МНРА от 5 января 1931 г. передавала слухи о том, что Панчен-Богдо с помощью Чжан Сюэяня готовит войска, что он хочет отомстить партиям-монголам, и на это идет сбор средств. По донесению ИНО ОГПУ 11 марта 1931 г., японцы выдают займы ряду князей Внутренней Монголии, снабжают отдельных князей и хунхузов оружием для борьбы с китайцами, поддерживают связь с князьями через монгольских монархистов, императора Сюаньтуна (Пу И) и атамана Семенова. Ходили слухи, что и Панчен находится под сильным влиянием японцев. Последние используют его имя для объединения монголов вокруг лозунга борьбы с Внешней Монголией, у них есть план организации монгольской армии из внутренних монголов и белогвардейцев для завоевания Халхи под командованием Панчена. «Кто из окружения Панчен-Богдо является японскими агентами, точно неизвестно». Было лишь известно, что Лин-гун (сын фудутуна Барги) в последнее время тесно связан с Панченон и с его окружением. Лин-гун находится под влиянием японцев. При поездке Панчена по Внутренней Монголии его сопровождали 4 японца⁵⁴.

В марте 1931 г. Панчен был в Силинголе, отложив возвращение в Мукден. Туда он прибыл 11 апреля, 27 апреля уехал из Мукдена в Нанкин. Монгольские князья собирались помочь ему вернуться в Тибет. В Нанкине он намеревался встретиться с Чан Кайши для доклада и обсуждения дел с Монголией и Тибетом⁵⁵.

В этот период Панчен накапливал военные силы. По сведениям на 29 марта 1931 г., он хотел организовать монгольский кавалерийский отряд для похода в Тибет, по другим — оружие шло в Силингол для русских белых и бурят против Улан-Батора. Пекинская канцелярия Панчена вызвала в Пекин молодых тибетцев, обучавшихся в военном училище Тайюаньфу (около 70 человек). Одни назначались в приграничные с Монголией районы, другие — в ставку Панчена. Его представители закупили в Тяньцзине японское оружие: 1500 винтовок, 100 маузеров, 4 пулемета. По одним данным — для монгольского кавалерийского отряда в Тибет, по другим — для белых и бурят против Улан-Батора⁵⁶. Но надо отметить, что среди захваченных у повстанцев в МНР в 1930-х годах японских пулеметов не было.

27 июня 1931 г. штаб пекинского гарнизона получил от нанкинского Комитета по делам Монголии и Тибета телеграмму о том, что Панчен выезжает в Пекин, а оттуда — в Цинхай (Амдо, Кукунор) и Сикан. Оттуда он отправился в Баргу и Внутреннюю Монголию. По словам баргутов, 10 октября 1931 г. он уехал из Хайлара в Узэмчин⁵⁷.

18 сентября 1931 г. — в день, когда Япония вторглась в Маньчжурию, — Панчен-Богдо проводил ритуал в монастыре Ганджур у границы с МНР. Из-за продвижения японцев на восток Внутренней Монголии, он бежал из Барги в Силингол в октябре 1931 г. В начале марта 1932 г. он посылал Чан Кайши телеграммы о том, что его анти-японская пропаганда действует на монголов, и в последующие годы активно действовал в пользу Китая в борьбе с Японией⁵⁸.

В мае 1932 г. в конвое Панчен-Богдо были 6 молодых солдат, бежавших из МНР. Оттуда все время шли беженцы, которые говорили, что не могут переносить коммунистическое правление. Из 30 тыс. единиц оружия, скопившихся у Панчена (помимо ору-

дий, пулеметов, бомбометов), он к тому времени уже отправил 20 тыс. в подчиненные ему монастыри в Цинхай и Тангут. В Силинголе осталось лишь несколько тысяч единиц оружия. Враждебно относясь к коммунистам, в МНР Панчен вел пропаганду, неблагоприятную для Чжан Сюэяня⁵⁹.

Дела Панчена в отношении Китая были в руках его секретаря Шао, дяди Шао-лина, проживавшего в Хайларе. Как показал Мерсэ на одном из допросов (3 августа 1932 г.), Шао-лин хотел установить через него связь с Внешней Монголией. В Нанкине в 1931 г. он говорил с Мерсэ о возвращении Внешней Монголии Китаю. Предложения сводились в основном к разрыву связей Внешней Монголии с СССР, попытке использовать Панчена для захвата власти над монгольскими князьями, во Внутренней Монголии подготовить военные силы для захвата, а внутри Внешней Монголии — контрреволюционное восстание. Предполагалось, что Шао-лин действовал по указаниям японцев, надевавшихся захватить Китай, а через него и Внешнюю Монголию⁶⁰.

В обвинительном заключении по делу Мерсэ говорится, что Шао был японским агентом и следил за Панчен-ламой. Поэтому Панчен, агитируя за почитание лам и князей в Монголии (имеется в виду Внутренняя Монголия. — *Авт.*), «фактически помогает Японии закреплять власть князей <...> Работая непосредственно на пользу Китая и косвенно — на Японию, Панчен-Богдо в то же время имеет и собственные планы и цели, к которым стремится. Его цель — реставрация своего права в Тибете». Этих целей он добивается, укрепляя свой авторитет среди монголов, и хочет сделать Кукунор базой для захвата Тибета⁶¹.

Командующий МНРА Г. Дэвид в докладе на пленуме Малого хурала 6 июня 1932 г. отмечал, что за границей против Кобдо группируются 1000 эмигрантов, со стороны Маньчжурии намерены напасть 2000, в Баре идет мобилизация под руководством Японии для нападения на МНР, в Баян-Тумэне, Дзамын-удэ, Цэцэрлэге осуществляется контрреволюционная агитация против МНРА⁶².

Из сообщения особого отдела ГВО от 15 июня 1932 г. известно, что 12 июня Лама-гэгэн и его ученик Магсар приехали в Барун-Сунуд-ван во Внутренней Монголии у самой границы с МНР. Там были и люди из свиты Панчена на 9 машинах, из которых 1 была желтая (возможно, его самого. — *Авт.*); в этой машине были князья Барун-Сунуд-ван, Дзун-Сунуд-ван, мэрэн Дэмчиг. Около самого Панчена тогда было около 200 человек, бежавших из Халхи⁶³. 12–14 июня 100 солдат в северо-западной части Цаган-обо наставили легкую пушку на МНР в 4–6 км от сомона Эрдэнэ в теперешнем Восточно-Гобийском аймаке⁶⁴.

Это можно было бы трактовать как внешнюю поддержку восставших. Однако контакты этих людей с ними не установлены. Из-за границы так и не состоялось вторжение мобилизованных. В Баян-Тумэне и Дзамын-удэ восстаний не произошло. Возможно, люди Панчена у границ МНР пытались узнать о положении дел.

В декабре 1932 г. на 3-м пленуме ЦИК Гоминьдана 4-го созыва в качестве наблюдателей присутствовали Панчен-Богдо, Джанджа-хутухта и некоторые монгольские князья. Пленум принял резолюцию, приветствовавшую «монгольских и тибетских руководителей» и призывавшую к единству «пяти национальностей Китая». С помощью эскорта из китайских солдат Панчен-Богдо пытался вернуться в Тибет, но Далай-лама отказался принять его и его сторонников на таких условиях. Далай-лама резко отзывался о попытках объявить Тибет разделенным на «передний» и «задний» между двумя правителями (Далай-ламой и Панчен-ламой) и действовал в интересах консолидации Тибета и его независимости от Китая⁶⁵.

В последние годы жизни Панчен-лама все более втягивался в политическую деятельность. После кончины Далай-ламы XIII в 1933 г. Панчен-лама IX был назначен комиссаром Китая с обязанностью пропаганды в «Западном крае». В Китае он не только активно учил людей буддизму, но также призывал монголов и тибетцев к одобрению по-

литики китайского правительства, поддержке «национального единства Китая», концепции «пяти национальностей», к прекращению гражданской войны, к борьбе с японской агрессией⁶⁶. Он неоднократно бывал в храме Байлинмяо во Внутренней Монголии в 1934–1936 гг. На съезде, который проводился в этом храме в 1933 г., над возвышением, где сидели наиболее важные князья, висел его огромный портрет⁶⁷.

В январе 1934 г. 4-я пленарная сессия ЦИК Гоминьдана назначила Панчена государственным советником — членом национального правительственного совета Китая⁶⁸. В январе 1935 г. он участвовал в съезде 113 князей и лам Внутренней Монголии, Синьцзяна, Ганьсу, Алашани, Верхней Монголии, эмигрантов из МНР, японцев и гоминьдановцев. Обсуждался вопрос о красной опасности на этих территориях. В том же году при монастыре Ногон-Дзу в Ордосе был построен большой дворец Панчен-Богдо, при котором установили рацию. В конце 1934 — начале 1935 г. в Алашани двигались караваны с оружием, в том числе принадлежащим Панчену, в монастырь Гумбум, который находился под его патронажем⁶⁹.

Согласно перехваченному ГВО письму Симба Римбучи к тибетскому казначею в Улан-Баторе Джамбалу от 27 ноября 1934 г., Панчен говорил ему, что «решительно поставил перед собой задачу взять в свои руки Тибет, он сейчас предварительно намечает свой поход»⁷⁰. В 1935 г. Панчен прибыл в Синин. Он просил дать ему эскорт из китайских солдат, чтобы въехать в Лхасу. В письме к Чан Кайши от 11 марта 1935 г. он просил помочь ему возвратиться в Тибет, предлагая ряд мер по модернизации Тибета и его привязке к Китаю. В июле 1936 г. тибетцы на пограничном с Китаем посту конфисковали партию оружия, которую Панчен в своем багаже отправил в Тибет. В том же месяце Кашаг заявил, что будет рад видеть Панчена в Тибете, но не разрешает вводить туда китайский военный эскорт⁷¹. Тем не менее, в ноябре 1936 г. Панчен прибыл в Джекундо и собирался вступить в Тибет с китайским военным эскортом. Японская агрессия все же заставила китайцев отозвать эскорт. Панчен-лама IX скончался в Джекундо в декабре 1937 г.

Итак, целью Панчен-Богдо, беженца из Тибета, было возвращение на родину с помощью своих и китайских солдат. Он наладил связь с японцами, стараясь использовать их, но в то же время помогал Китаю проводить его политику в Монголии и Тибете. В этот период он находился рядом с границами МНР. Как духовный учитель, он интересовался положением своих монгольских учеников, в том числе в МНР. Они хотели видеть его. Первоначально даже некоторые политики хотели пригласить его туда. Многие монголы ходили через границу к нему на благословение. Но Панчен-Богдо высказывался против коммунизма и разрушения религии; эти проповеди получили огласку и послужили причиной обвинений его в подрывной деятельности против МНР. Не подтверждаются выводы о его реальной поддержке повстанцев в МНР, в том числе при содействии Японии.

Я благодарю С. Чулууна, С. В. Дмитриева, всех сотрудников архивов Монголии и России, оказавших содействие в получении материалов.

Аббревиатуры архивов: АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва;

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва;

ЦАФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности, Москва.

1. *Шакабна В. Д.* Тибет. Политическая история. СПб, Нартанг, 2003. С. 278; *Tuttle G.* Tibetan Buddhists in the Making of Modern China. New York: Columbia Univ. Press, 2007. P. 54–55.
2. *Goldstein M.C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951. Berkeley etc: Univ. of Calif. Press, 1989. P. 115, 118.
3. Напр.: Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. № 2(21), 1937. С. 56–68; там же. № 3(22), 1937. С. 67–76; *Якимов А.Т.* МНРП — организатор и вдохновитель побед монгольского народа // МНР. М., 1952. С. 8; Гадаадаас түрхирсан 1932 оны бослого: [Натравленное иностранцами вооруженное восстание 1932 г.]. Улаанбаатар: Анар цэнт ХХК, 2013.
4. Цэндийн Дамдинсурэн: к 100-летию со дня рождения. М.: Вост. лит., 2008. С. 35–39.
5. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 27.
6. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 111.
7. Там же. Оп. 3. Д. 237. Л. 1.
8. АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 5. Д. 11. П. 108, пор. номер 11. Л. 211.
9. ЦАФСБ, Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 2.
10. Там же. Оп. 8. Д. 307. Л. 155–156.
11. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 28.
12. Там же. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 18.
13. *Bulag U.* Collaborative Nationalism. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2011. P. 75.
14. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 94.
15. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 13.
16. Там же. Л. 2.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 19–36; Д. 39. Л. 42–43.
18. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 43.
19. Там же. Оп. 3. Д. 237. Л. 95.
20. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 18, 16.
21. *Bulag U.* Op. cit. P. 75–76.
22. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 27.
23. Там же. Л. 11, 25–26.
24. *Atwood C.P.* Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931: V. I. Leiden, Boston, Köln, 2002. P. 599.
25. *Bulag U.* From Empire to Nation: The Demise of Buddhism in Inner Mongolia // The Mongolia-Tibet Interface. Opening New Research Terrains in Inner Asia. Ed. by Bulag U. and Diemberger H. Leiden: Brill, 2007. P. 29.
26. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 18.
27. *Bulag U.* From Empire... P. 75–76.
28. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 12, 40–42 об.
29. *Bulag U.* From Empire... P. 75–76.
30. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 5–8.
31. Там же. Л. 14–15.
32. *Tuttle G.* Op. cit. P. 131.
33. *Цэрэнбалжир Д.* 1932 оны зэвсэгт бослого: [Вооруженное восстание 1932 г.]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990. С. 11.
34. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 142.
35. Там же. Л. 9, 25–26; Оп. 8. Д. 378. Л. 425.
36. Там же. Л. 170–171.
37. Там же. Л. 38, 50, 59, 79, 81–84.
38. Там же. Л. 55.
39. Там же. Л. 112, 62, 93.
40. Там же. Л. 97; Оп. 8. Д. 378. Л. 118–120; Оп. 8. Д. 378. Л. 244–245, 263.
41. Там же. Оп. 8. Д. 378. Л. 190; Оп. 10. Д. 531. Л. 103–105.
42. Там же. Оп. 10. Д. 531. Л. 107, 126.
43. Там же. Л. 43, 55, 138, 132.
44. Там же. Л. 75.
45. *Tuttle G.* Op. cit. P. 87, 132–133.
46. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 149–151, 100–101.

47. Там же. Л. 133.
48. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 64; Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 145; Оп. 10. Д. 531. Л. 141.
49. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 114. Л. 2–13.
50. Богословский В. А., Москалев А. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. С. 81–82.
51. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 120. Л. 84–97.
52. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 2224. Л. 367–368; Т. 1. Л. 81, 82–84.
53. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 164, 162.
54. Там же. Л. 167–167 об.; Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 1–2, 4.
55. Там же. Л. 163, 175–177.
56. Там же. Л. 170–171, 174.
57. Там же. Л. 194, 107.
58. Bulag U. From Empire... Р. 41–45.
59. ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 1179–1180 об.
60. ЦАФСБ. Ф. 2. Д. 2224. Т. 1. Л. 156–158, 237–240.
61. Там же. Л. 253–254.
62. ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 700. Л. 2–4.
63. МУУТА. Ф. 4. Д. 4. Х.н. 185. Тал 180–191.
64. Там же; Цэрэнбалжир Д. Указ. соч. С. 12.
65. Богословский В. А., Москалев А. А. Указ. соч. С. 82, 115–116.
66. Напр.: Богословский В. А., Москалев А. А. Указ. соч. С. 128–136; Jagou F. Le 9e Panchen Lama (1883–1937). Paris: École française d'Extrême-Orient, 2004. Р. 187; Xirao Nima, Zhaxi Caidan.: [Анализ пропагандистской деятельности Панчен-ламы IX в национально-освободительном движении войны против Японии во Внутренней Монголии] // Neimenggu shifan daxue xuebao. № 5. 2005. С. 5–9. Tuttle G. Op. cit. Р. 13. Chen Baiping.: [Религиозная и политическая деятельность Панчен-ламы IX на материке] // Zhongyang minzu daxue xuebao. № 2. 2012. С. 34–41.
67. Дудин П.Н. Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ, 2014. С. 208, 210.
68. Богословский В. А., Москалев А. А. Указ. соч. С. 121.
69. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. Л. 15, 19, 21.
70. Там же. Л. 15.
71. Goldstein M.C. Op. cit. Р. 272, 278–279.